

Остальная часть нашего путешествия до Тарка протекала спокойно. Мы были в пути три недели, пересекли два морских дна и прошли вблизи развалин нескольких городов, по большей части меньших размеров, чем Корад. Дважды пересекали знаменитые водные пути, или каналы. Оказавшись недалеко от них, мы высылали вперед воина с подозрительной трубой, и если поблизости не было видно отрядов красных, мы приближались к ним, насколько это возможно было сделать, не привлекая к себе внимания, делали привал до наступления темноты, тогда мы медленно двигались по полосе обработанных земель. Здесь мы выходили на одну из многочисленных широких шоссейных дорог, которые пересекают на равных расстояниях населенные пункты, и тихонько прячась, перебирались на другую сторону обработанных земель. Один из этих переходов продолжался пять часов без остановок, а другой отнял целую ночь, так что мы лишь едва переступили границу обработанных полей, когда солнце взошло над нами.

Так как переходы эти делались в темноте, я не имел возможности что-либо видеть, кроме разве того, что меньшая луна в своем бешеном и неустанном беге по мусрабским небесам освещала время от времени, вырывая какие-то клочья ландшафта, озаряя огороженные поля и низкие, неясно видимые дома, очень похожие на наши земные фермы. Здесь росло много деревьев, посаженных с чрезвычайной планомерностью, и некоторые из них были невероятной вышины. Здесь были и животные за загородками, и они давали знать о себе испуганными криками и фырканьем, учуяв наших странных и диких животных и не менее дикие человекоподобные существа.

Только однажды я увидел человеческое существо, и было это на перекрестке нашего шоссе с широкой белой дорогой, которая прорезает вдоль полосу обработанных земель. Парень, должно быть, спал, оттого, что когда я подошел к нему вплотную, он приподнялся на локте и, едва успев бросить взгляд на приближающийся караван, как безумный, вскочил и перепрыгнул ближнюю ограду с быстротой испуганной кошки. Тарки не обратили на него ни малейшего внимания, они продолжали спокойно продвигаться вперед, я понял, что они заметили его только потому, что весь караван ускорил шаг, чтобы поскорее добраться до следующей пустыни, граничащей с владениями Тал Хаджуса.

Я ни разу не говорил за это время с Деей Торис она, ни разу не позвала меня к себе в повозку, а моя безумная гордыня не позволяла самому предпринять какие-либо шаги в этом направлении. Я готов поверить, что успехи мужчины среди женщин обратно пропорциональны его отваге с мужчинами. Слабые и трусы часто умеют ловко пленять слабый пол, а отважные воины, которые умеют встретить лицом к лицу тысячу настоящих опасностей, сидят боязливо в темноте, подобно испуганному ребенку.

Ровно через месяц после моего прибытия на Мусраб, мы вступили в древний город Тарк, у чьего забытого народа орда зеленых людей заимствовала даже имя. Тарки насчитывают около тридцати тысяч душ и делятся на двадцать пять общин. Во главе каждой общины стоит отдельный джед и подчиненные ему вожди, но все они подчиняются Тал Хаджусу, джедаку Тарка. Пять общин располагаются в самом Тарке, а остальные занимают другие опустевшие города древнего Тара, расположенные в округе, подвластной Тал Хаджусу.

Мы вступили на большую городскую площадь около полудня. Возвратившуюся экспедицию никто не встретил восторженными приветствиями. Случайно попавшиеся навстречу называли по именам воинов и женщин, с которыми они столкнулись, и только тогда, когда стало известно, что экспедиция привела с собой двоих пленных, к ней стали проявлять большой интерес, Дея Торис и я сделались предметом любопытства.

Нам вскоре отвели помещение, и остаток дня был предоставлен нам, чтобы мы могли

устроиться на новом месте. Мой дом стоял на улице, выходившей на большую площадь с южной стороны, — главной улице города, по которой мы проходили, когда вошли в город через городские ворота. Меня поместили в дальнем краю здания, и мне было предоставлено целое крыло. Архитектура здесь была столь же величественна, как в Кодаре, даже, насколько это было возможно, еще величественнее. Мое помещение было достойно величайшего из земных государей, но для этих странных существ значение имели только величина и громадность комнат и зданий; поэтому Тал Хаджус занимал дом, который, по всей вероятности, был, некогда общественным, — самый большой дом во всем городе, но вовсе не приспособленный для проживания; второе по величине здание занимал Лоркас Птомель, потом джед следующего чина, и так далее, согласно рангу каждого из пяти джедов. Воины помещались в том же здании, что и вождь, под чьим началом они находились. Впрочем, если они этого хотели, они могли занять любое из тысяч свободных зданий в той части города, которая была отведена их общине. Выбор зданий был связан с этим распределением общин, и только для джедов делалось исключение: они занимали здания, выходившие на большую городскую площадь.

Когда я, наконец, привел в порядок свое помещение, вернее сказать, когда его привели в порядок под моим наблюдением, было уже недалеко до заката, и я поспешил выйти, чтобы разыскать Солу и поселить ее и ее вещи на место, я решил переговорить с Деей Торис и убедить ее в необходимости перемирия, пока я не найду возможности помочь ей бежать. Я напрасно искал ее, пока верхний край солнца не скрылся за горизонтом, и тогда заметил вдруг уродливую морду Вулы, выглядывающего из окна второго этажа дома, выходившего на другую сторону той же улицы, на которой помещался и мой дом, но только поближе к площади.

Я не стал ждать приглашения, взбежал по винтовой лестнице, которая вела на второй этаж, в большую комнату, выходившую на улицу; здесь меня радостно приветствовал Вул, который бросился ко мне и своим громадным телом чуть не раздавил меня. Он так был счастлив видеть меня, что я подумал, он не прочь меня съесть: вся его морда расплылась в подобие широчайшей улыбки.

Я успокоил его словами и лаской и стал вглядываться в надвигающуюся темноту, чтобы обнаружить хоть какой-нибудь след Деи Торис. Не найдя, я позвал ее по имени. Из дальнего угла комнаты я услышал ответный шепот и, сделав несколько быстрых шагов, стоял уже подле нее, сидящей среди мехов и шелков в старинном резном кресле. Я молчал; тогда она встала во весь рост и спросила:

– Что нужно Дотору Соджету, тарку, от Деи Торис, его пленницы?

– Дея Торис, я не знаю, чем я оскорбил вас. Меньше всего я хотел обидеть или огорчить вас, которую я надеялся охранять и защищать. Забудьте обо мне потом, если таково ваше желание, но теперь помогите мне устроить ваш побег, если только он возможен, и об этом я не прошу вас, а приказываю. Когда вы будете снова у вашего отца – можете поступить со мной, как вам будет угодно, но с этой минуты и до того самого часа, когда вы вернетесь к вашему отцу – я ваш господин, и вы должны слушаться меня и помогать мне.

Она внимательным и долгим взглядом посмотрела на меня, и мне показалось, что мои слова тронули ее.

– Я понимаю ваши слова, Дотор Соджет, – ответила она, – но вас я не понимаю. Вы – странная помесь ребенка и мужа, зверя и благородного существа. Я очень хотела бы читать в вашем сердце.

- Опустите глаза вниз, к вашим ногам, Дея Торис, оно лежит у ваших ног, там же, где оно лежало все время с той самой ночи в Кодаре, и где оно вечно хотело бы лежать и биться только для вас, пока смерть навсегда не остановит его.

Она слегка подвинулась по направлению ко мне и протянула руки каким-то странным движением, как будто она хотела что-то нащупать.

- Что вы хотите сказать этим? - пролепетала она. - Что вы мне сказали?

- Я сказал то, что поклялся себе самому никогда не говорить вам, по меньшей мере, до тех пор, пока вы не перестанете быть пленницей зеленых людей; то, что я не надеялся никогда сказать вам, судя по вашему обращению со мной в течение последних трех недель; я говорил, Дея Торис, что я ваш душой и телом, что я готов служить вам, сражаться за вас и умереть за вас. За это я прошу вас только об одном: пока вы снова не будете среди вашего народа, не надо ни согласия, ни отказа на, то, что я сказал, и на ваши чувства по отношению ко мне, каковы бы они ни были, никакого влияния не должна иметь благодарность; то, что я хочу сделать для вас, я делаю из соображений чисто эгоистических, оттого, что мне приятнее делать это для вас, чем не делать.

- Я исполню ваше желание, Алекс, потому что я понимаю, что побудило вас высказать его, и я столь же охотно принимаю вашу службу, как и признаю ваш авторитет: ваше слово будет законом для меня. Дважды мысленно я была несправедлива к вам, и прошу у вас за это прощения.

Дальнейшая беседа чисто личного свойства была прервана приходом Сола, которая была чрезвычайно взволнована и совсем не походила на обычно спокойную и владеющую собой женщину.

- Это отвратительная Саркойя была у Тал Хаджуса, - воскликнула она, - и, судя по тому, что я слышала на площади, у вас мало шансов остаться в живых.

- Что они говорят? - спросила Дея Торис.

- Что вас отдадут на растерзание диким калотам (псам) на большой арене, как только отдельные общины соберутся для ежегодных игр.

- Сола, - сказал я, - вы принадлежите к племени тарков, но вы также сильно ненавидите нравы и обычаи вашего народа, как и мы. Не хотите ли вы примкнуть к нам и помочь нам в нашей попытке бежать, а я вполне убежден в том, что Дея Торис может обеспечить вам кров и гостеприимство у своего народа, и ваша доля там будет не хуже той, какой она должна быть здесь.

- Да! - воскликнула Дея Торис. - Да, бежим с нами, Сола! Вам будет намного лучше у красных людей Гелиума, чем здесь, и я могу обещать вам у нас не только кров и пищу, но и любовь и уважение, по которым вы так тоскуете, и которых навеки лишат вас законы и обычаи вашей расы. Едьте с нами, Сола! Мы могли бы бежать и без вас, но ваша судьба будет ужасна, если они заподозрят, что вы помогли нам. Я знаю, что страх не заставил бы вас бежать с нами, но вы попали бы в страну, где светит солнце и где можно быть счастливым, к народу, которому ведомы любовь, привязанность и благодарность. Бегите с нами, Сола, скажите, что вы согласны!

- Великий водный путь, который ведет в Гелиум, лежит всего в пятидесяти километрах к югу, - прошептала Сола, - быстрый может пробежать это расстояние в течение трех часов, и до

Гелиума останется пятьсот километров, главным образом через малонаселенные места. Как только они узнают о бегстве, пустятся в погоню. Мы могли бы спрятаться среди больших деревьев, но все же шансов бежать очень мало. Они будут преследовать нас до самых границ Гелиума, и на каждом шагу будут грозить вашей жизни; вы не знаете их.

– А разве нет другого пути в Гелиум? – спросил я. – Быть может, вы в состоянии набросать нам приблизительный план тех мест, по которым мы должны проехать, Дея Торис?

– Хорошо, – ответила она, вынула из своих волос громадный бриллиант и начертила на мраморном полу первую карту Мусраба, которую мне вообще довелось видеть. Ее во всех направлениях пересекали длинные прямые линии, иногда параллельные, иногда собирающиеся в какой-либо точке, отмеченной кружком. Она сказала, что эти линии – это водные пути, круги – это города, а один из них, далеко на северо-запад от нас, был Гелиум. Были и другие города, ближе к нам, но она сказала, что боится входить во многие из них, оттого, что не все они были в дружественных отношениях с Гелиумом.

Наконец внимательно изучив карту при свете луны, заливавшей теперь всю комнату, я указал на один водный путь, расположенный далеко к северу от нас и который, по-видимому, тоже вел в Гелиум.

– А этот канал тоже пересекает земли вашего отца? – спросил я.

– Да, – ответила она, – но он лежит в двухстах милях к северу от нас; это один из тех каналов, которые мы пересекли по пути в Тарк.

– Они ни за что не догадаются, что мы решили попытаться бежать этим длинным путем, – ответил я, – поэтому я думаю, что он является лучшей дорогой для бегства.

Сола согласилась со мной, и мы решили покинуть Тарк этой же ночью, едва я сумею найти и оседлать моих тоттов. Сола должна будет сесть на одного из них, а я и Дея Торис – на другого: каждый из нас должен был захватить пищи и питья на два дня, оттого, что животные не могли быстрее пройти такое большое расстояние.

Я предложил Дее Торис отправиться вместе с Солой по одной из наиболее пустынных улиц к южной окраине города, где я должен был разыскать их, приведя с собой тоттов, как можно скорее; потом я оставил их собирающими пищу, шелка и меха, необходимые в пути, спокойно выскользнул наружу и вышел во двор, где неустанно топтались и двигались наши животные, по свойственной им привычке, перед тем как лечь спать.

В тени зданий, почти скрытые от сияния тарианских лун, двигались множество зитидаров и тоттов; первые выпускали свое глухое горловое ворчание, а вторые время от времени пронзительно визжали, выражая этим состояние бешеного раздражения, в котором эти животные постоянно пребывают. Теперь, благодаря тому, что они были одни, они были спокойнее, но когда почуяли меня, стали волноваться, и их отвратительный гам усилился. Решиться войти ночью одному в загон тоттов было нешуточным делом: во-первых, усилившийся шум мог привлечь внимание находившихся неподалеку воинов, а кроме того, в любое мгновение какой-нибудь огромный тот мог по всякому поводу или даже без повода броситься на меня.

Я не имел никакого желания испытывать дурные свойства их характера, особенно в эту ночь, когда все зависело от того, удастся ли соблюсти тишину и тайну, я спрятался в тени зданий, готовый в любое мгновение шмыгнуть в ближайшее окно или дверь. Так я добрался до ворот, которые находились в глубине двора, и, приблизившись к ним, я негромко позвал двух моих

животных. Как я был благодарен провидению, которое надоумило меня заранее добиться любви и доверия этих диких зверей, потому, что теперь я увидел, как из дальнего угла двора две громадные туши направились ко мне.

Они подошли вплотную и стали тереться мордами о мое плечо, обнюхивая и ожидая вкусняшек, которые я обычно приносил с собой. Распахнув ворота, я приказал обоим громадным животным пройти в них, а потом, спокойно вышел сам и прикрыл за собой обе створки.

Я не стал седлать тоттов и не сел на них верхом, а пошел, прячась в тени зданий, направляясь к малопосещаемой улице, которая вела к тому месту, где я условился встретиться с Деей Торис и Солой. Подобно бесплотным духам, мы бесшумно крались вдоль пустынных улиц, но я вздохнул свободно только тогда, когда мы увидели равнину, расстилавшуюся за городом. Я был уверен, что Дее Торис и Соле не трудно будет добраться до условленного места встречи, но с моими огромными тотами я не был столь уверен за себя оттого, что воины никогда не покидают город после наступления темноты; им некуда ездить, кроме как в дальнейшее путешествие.

Я благополучно добрался до условленного места, но так как Соле и Деи Торис там не было, поместил животных в передней комнате одного из больших зданий. Я подумал, что, вероятно, к Соле пришла одна из женщин, живших в том же доме, и задержала их, и нисколько не беспокоился пока не прошел целый час, а когда прошло еще полчаса, меня охватил страх. Потом я услышал в ночной тишине шум проходившего неподалеку отряда, который не мог быть беглецами, стремящимися вернуть себе свободу и тайком пробирающимися, и из своего убежища я услышал несколько слов, пронзивших мое сердце и наполнивших меня ужасом:

- Он, по-видимому, условился встретиться с ними за пределами города.

Это было все, что я услышал; отряд прошел мимо меня. Но этого было достаточно. Наш план известен, и надежды избежать ужасного конца не было. Моим единственным желанием было вернуться незамеченным в дом Деи Торис и узнать, какая участь постигла ее, но как сделать это с огромными, чудовищными тотами, в особенности теперь, когда слух о моем бегстве уже наполнил город? Это было заданием сверхчеловеческой трудности.

Внезапно меня осенила мысль: я знал устройство этих старинных зданий и городов на Таре – середину каждого здания занимал большой крытый двор, – туда я направился по темным комнатам, зовя за собой моих тоттов. Им было нелегко пролезать через некоторые из дверей, но здания, находившиеся на краю города, все без исключения были огромного размера, и поэтому мои тотты нигде не застряли, мы благополучно добрались до внутреннего двора, где я нашел, как того и ожидал, достаточное количество мха, которое могло служить для тоттов пищей и питьем, пока я не найду случая вернуть их на обычное место. Я был убежден, что они будут здесь столь же спокойны и довольны, как в любом другом, и точно также знал, что никто не обнаружит их здесь, зеленые люди не любят посещать эти полуразрушенные отдаленные здания, которые часто служат приютом единственных существ, которые, как мне кажется, способны внушить им страх – больших белых обезьян Мусраба.

Расседлав тоттов, я спрятал седла в дверной нише здания и, оставив животных на свободе, быстро прошел, вышел на пролежавшую сзади него улицу. Я подождал у дверей, пока не удостоверился, что никого нет поблизости, быстро перебежал до дверей следующего здания и вошел во двор; потом, от двора до двора, переходя улицы только там, где это было неизбежно, я благополучно добрался до двора дома Деи Торис.

Здесь я нашел тоттов воинов, которые занимали соседние дома, а внутри я мог встретить и

самых воинов, но, к счастью, я поступил иначе, чтобы, попасть в верхний этаж, который занимала Дея Торис, я внимательно осмотрелся, чтобы сообразить, где ее комната, я никогда не видел этого здания со стороны двора. Потом я воспользовался своей относительно большой, силой и прыжком добрался до окна второго этажа, через которое, как мне казалось, можно было проникнуть в ее комнату. Я вошел в здание через окно и стал пробираться по стене к передней части здания, когда я добрался до окна ее комнаты, то услышал по голосам, что в ней кто-то есть.

Я не стал врывать в комнату очертя голову, а сначала прислушался, чтобы убедиться, что это Дея Торис и что войти туда не представляет опасности. Я правильно поступил, приняв эту меру предосторожности, оттого что разговор, который я услышал, вели низкие гортанные голоса мужчин, и слова, которые я разобрал, вовремя предупредили меня. Говоривший был вождем, и он давал указания четверым воинам.

– Когда он вернется в эту комнату, – сказал он, – когда он не встретится с ней на окраине города, вы четверо наброситесь и обезоружите его. От вас потребуется напряжение всех ваших сил, чтобы сделать это, если то, что говорят вернувшиеся из Кодара, верно. Когда вы свяжете его, снесите в темницу во дворе джеддаков и наденьте на него оковы, чтобы его можно было привести, как только Тал Хаджус захочет того. Не позволяйте ему ни с кем говорить и не позволяйте никому входить в эту комнату раньше, чем он вернется. Что девушка придет сюда, опасаться нечего, она сейчас в объятиях Тал Хаджуса, и пусть все предки, сколько бы их ни было жалеют ее, у Тал Хаджуса нет к ней жалости. Великая Саркойя сделала славное дело. Я ухожу, и если вам не удастся поймать его, когда он придет сюда, я брошу ваши тела в холодные воды Иссы.